Текст · 17 октября 2025, 09:54
Дарья Серегина,

Большое дело «Айдара» — история 18 пленных украинцев от пыток в Донецке до приговора в Ростове

Сегодня Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону вынес приговор 15-ти пленным украинцам из батальона «Айдар» — они получили от 15 до 21 года строгого режима. Ни одного из них не обвиняли в конкретных военных преступлениях — участие в террористической организации, захват власти и обучение терроризму солдатам и медикам вменяли просто по факту службы в своем подразделении. В октябре 2024 года заседания по делу закрыли от прессы и слушателей, а накануне приговора процесс, тянувшийся с июля 2023-го, неожиданно ускорился — прения сторон и последние слова подсудимых уложились всего в два дня.

«Медиазона» рассказывает, что известно об осужденных и их товарищах, которых сегодня не было на скамье подсудимых в Ростове — две женщины-медработника уже вернулись в Украину по обмену, след еще одного пленного теряется в российских тюрьмах.

Три истории про солдат

Забайрачный

Когда началась война, у Алевтины Забайрачной уже была собрана посылка с продуктами и вещами,

которые она собиралась передать в часть своему сыну Семену — 27 февраля ему как раз исполнялось 25 лет.

Алевтина родилась в селе Лютовка в нескольких километрах от границы с Белгородской областью: «С одной стороны СССР, с другой УССР». Много лет назад она переехала в Харьков и вышла замуж. Семен — ее второй, младший сын. «Средняя обычная семья: муж инкассатором работал, я — продавцом всю жизнь», — рассказывает Алевтина. Детей растила в любви, а они ее «во всем оберегали».

У Семена, по словам матери, «история банальная»: после школы год работал, потом отслужил срочную службу в Полтаве и вернулся домой, где «получилась история с девочкой — не очень взаимная любовь». В 2020 году решил подписать контракт: хотел «заработать себе на жилье, прийти, жениться и жить как нормальный человек». Распределили в батальон «Айдар».

24 февраля 2022 года Семен в пять утра написал матери: «Мама, берегите себя, мама, тут самолет».

«Я ему пишу: "Харьков разрывается". Все, это наша последняя переписка», — вспоминает Алевтина.

Очень скоро она узнала, что сын в плену: «интервью», записанное российскими военными, появилось в сети одним из первых, потому что уже 25 февраля Забайрачного задержали — «с другим хлопцем он попал в колонну к дээнэровцам». Как рассказывал позже сам Семен, еще сутки с ним «прокатались», а потом держали на гауптвахте в Донецке до официального задержания 11 апреля.

Родителям о том, что происходило с их сыном, никто не рассказывал. «Он пропал из вида, и начались поиски, осмотр всех телеграм-каналов. Мы не знали, где он находится, год, — говорит Алевтина. — Я объездила все, что можно: Днепр, Киев. Куда допускались мамы военнопленных, я везде была». Позже «по каналам» родители смогли узнать, что Семен «живой и в Донецке».

Алевтина говорит, что ее сын лишь «с виду брутальный, грубый и замкнутый человек», а на деле — эмпатичный и сентиментальный. Семен с детства «всех понимал и защищал, всех кормил: пока рос, все пацаны тут столовались». Заботился о родителях — первую получку отдал им: «Говорят, что великаны такие. Ведь за что его лупит конвой? За то, что у него два метра роста. И когда-то в нем было 100 килограммов».

Посылку на день рождения сына Алевтина не могла разобрать год — пока не узнала, где он находится.

Таранец

21-летний[1] Александр Таранец был совсем не готов к войне. Когда она началась, молодой человек

прослужил в ВСУ немногим больше полугода и числился стрелком. «Он мне говорил, я только начал учиться этому, а тут уже надо все уметь, потому что если ты не умеешь — ты будешь мертв», — рассказывает «Медиазоне» его сестра Екатерина. Она говорит, что для брата было «морально тяжело видеть всякие трупы и просто кого-то убивать».

Брата и сестру рано разлучили — они росли в неблагополучной семье в Орехове Запорожской области. В 2014 году Александр попал в приют, Екатерину после смерти матери отдали приемным родителям. Через несколько лет юноша пошел учиться на автослесаря.

По словам Екатерины, брат «жил средне — и не бедствовал, и не был прям богат». У него была девушка, они вместе снимали квартиру, для семьи он «пытался подзаработать везде, где можно было — с работой на тот момент была немного беда». Занимался спортом: нравилось качаться, хотел набрать вес.

Летом 2021 года с работой стало совсем тяжело, и Александр решил подписать контракт с ВСУ — «хоть какая-то стабильность». Его направили в «Айдар».

Попав под оккупацию[2] в самом начале войны,

Екатерина не часто звонила брату — кому-то из них могло «не поздоровиться». Она знала только, что Александр был в Северодонецке, и там «было жарко» — украинских военных «несколько раз брали в окружение», но они прорвались и ушли в Запорожье.

О том, что брат попал в плен, Екатерина, как и Алевтина Забайрачная, узнала из найденных в интернете кадров его допроса. «По видео было четко видно, как он, скажем так, боялся. И даже моментами где-то, может, ему текст написали, потому что я видела, как глаза смотрели в одну точку, и знаете, как если бы он читал, бегали немного», — рассказывает Екатерина. В этом ролике Таранец говорил, что командиры «бросили военных на произвол судьбы».

На самом деле, как узнала Екатерина позже, в плен брат попал при иных обстоятельствах: «Прилетела в машину ракета, командиры погибли. Ребята собрали некоторые вещи, которые смогли, и пытались идти в свою сторону к нашим позициям. Но поскольку они были на новой территории — они не местные, скажем так, это для них что-то новое — так они шли в нашу сторону, а попали в плен».

Пока Александр был «в лагере», он несколько раз звонил сестре. Таранец тогда не знал, где находится — «им не говорили, просто был лагерь, где собирали всех пленных и развозили по СИЗО».

Позже Таранец рассказывал, что 13 марта российские военные захватили его в селе Конские раздоры Запорожской области. До официального задержания 14 апреля он побывал на мелитопольском аэродроме, на гауптвахте в Донецке и в ИВС.

Николай Чуприна. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Чуприна

44-летнего[3] стрелка Николая Чуприну война застала в селе Гранитное Донецкой области. Он не смог связаться с командованием, остался прикрывать отступление сослуживцев, потом ждал, что за ним вернутся, но не дождался. Тогда солдат пошел к женщине по имени Анастасия, у которой в последний месяц иногда оставался ночевать, и попросился какое-то время пожить в ее доме.

На тот момент Чуприна служил в «Айдаре» меньше года. В Гранитное он прибыл прямиком из родного села Лукашовка Харьковской области. С Анастасией познакомился, когда та проходила мимо его поста.

Она приютила солдата. Первой в печку полетела его форма (как сказала позже в суде Анастасия, Чуприна объяснил это тем, что обмундирование грязное), следом — шевроны и берцы. Но оружие он сохранил — «за это могут наказать». Анастасия переживала — в доме были дети, поэтому Чуприна, «даже когда ложился, в ноги клал автомат» и не спускал с него глаз.

28 февраля Анастасия вышла в магазин и увидела на улице танки и российских военных. Через какое-то время ей в окно постучали — женщина вышла на улицу, назвала себя и сказала, кто находится у нее «в гостях». Когда россияне решили войти, она «беспрекословно» пустила их в дом, «чтобы они посмотрели, что не так», и сама «достала и показала» им «все, что находится в наличии».

Чуприну задержали, «как обычно, намотав на голову какую-то тряпку», и сначала повели на центральную площадь, а оттуда увезли в донецкий УБОП. Перед этим его успели допросить — по словам Анастасии, после вопросов о татуировке, которую Чуприна набил в «Айдаре», он сам рассказал, «откуда он и где служил». До официального задержания 31 марта Чуприну держали сначала в УБОПе, а потом в ИВС и в бывшей колонии в Еленовке. Как и Забайрачного, его заставили сняться в пропагандистском ролике.

Анастасию допрашивали по делу об укрывательстве, но оно, судя по всему, не получило хода — женщину оставили на свободе.

Чуприна, Таранец и Забайрачный вместе с еще пятнадцатью военнопленными стали подсудимыми на большом процессе об участии в батальоне «Айдар».

Тарас Радченко, Игорь Гайоха, Виталий Крохалев, Роман Недоступ, Виталий Грузинов, Андрей Шолик. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Обвинение

«Структурированная военизированная организованная группа добровольческое военизированное сообщество "Айдар"»

В обвинительном заключении по делу «Айдара» следствие начинает издалека: на первых страницах документа говорится, что в мае 2014 года

«неустановленные должностные лица» из числа украинских чиновников и командиров ВСУ создали «из гражданских формирований, участники которых придерживались идеологии неонацизма и национал-социализма», «структурированную военизированную организованную группу добровольческое военизированное сообщество "Айдар"».

Позже это сообщество якобы «формально» включили в структуру ВСУ как 24-й отдельный штурмовой батальон «Айдар» «с целью завуалирования истинных преступных целей и задач», а также для «легализации преступной деятельности» и обеспечения батальона «средствами и необходимыми силовыми методами воздействия».

Участники «Айдара» «в результате агрессивных военных действий» произвели «насильственный захват власти» в западной части ДНР и «оккупировали» ее, «препятствуя восстановлению конституционного строя и функционированию конституционной системы власти» в самопровозглашенной республике. Они готовились «ликвидировать государственный суверенитет ДНР» и вернуть ее территорию под контроль Украины «под надзором» военных из США и с использованием «учебно-методических материалов» НАТО, регулярно производили военную разведку и участвовали в боевых действиях против Народной милиции ДНР.

Обвиняемые по мотиву корысти, а также ненависти и вражды к жителям ДНР и России «из-за их политических взглядов», заключили с

батальоном контракт. При этом они «осознавали террористический характер» организации, но «преследовали ее общие преступные цели».

То, что Верховный суд ДНР 21 апреля 2016 года признал «Айдар» террористической организацией, следствие подчеркивает отдельно.

Среди подсудимых — профессиональные военные, водители и медработники. Последние — Лилия Прутян, Марина Мищенко и Андрей Шолик; по мысли следователей, они тоже участвовали в реализации «единого преступного умысла», поскольку оказание медпомощи военнослужащим «обеспечивало боеспособность подразделения и его боевую готовность для выполнения поставленных задач».

Некоторым военным кроме исполнения оговоренных в контракте должностных обязанностей вменили и то, что «в рамках подготовки к совершению запланированных преступлений и участию террористической организации в достижении целей и выполнении задач террористической организации» они прошли курс молодого бойца, а полученные знания потом применяли против жителей ДНР.

Обвинительное заключение в конце сентября 2022 года подписал следователь по особо важным делам Генпрокуратуры ДНР Антон Балашов и утвердил заместитель генпрокурора ДНР Роман Белоус. Уже через месяц дело направили в Верховный суд ДНР, а оттуда — в Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону.

Переквалификация

Сначала обвинение было квалифицировано согласно уголовному кодексу самопровозглашенной ДНР.

Всем фигурантам дела вменяли захват власти-[4] и организацию деятельности террористической организации или участие в ней[5].

«Организаторами»[6] следствие называло Тараса Радченко, Семена Забайрачного, Сергея Калинченко и Игоря Гайоху, остальным обвиняемым вменялось только участие[7].

Обвинение в прохождении обучения в целях террористической деятельности[8] предъявили 11 военнопленным.

На судебном заседании в августе 2023 года обвинение переквалифицировали в соответствии с российским УК: всем фигурантам теперь вменяли насильственный захват власти, совершенный преступной организацией[9] и организацию деятельности террористической организации или участие в ней[10].

Кроме того, некоторых из пленных обвинили в прохождении обучения в целях террористической деятельности[11].

Игорь Гайоха (в центре). Фото: Александра Астахова / Медиазона

История четвертая

Гайоха

Многие из подсудимых в суде подчеркивали, что заключали контракт с 24-м отдельным штурмовым батальоном Сухопутных войск вооруженных сил Украины — в 2015 году батальон, набранный из добровольцев, реорганизовали, чтобы «предотвратить противоправные действия». С тех пор подразделение называется именно так.

Но 37-летний Игорь Гайоха из Краснодона[12]

Луганской области начинал службу еще в том, старом «Айдаре».

В апреле 2014 года в его родной город пришли российские войска, и Гайоха потерял все. Краснодон находится у самой границы — сестра Игоря Галина говорит, что танки шли через их двор, а российский БТР, у которого «сгорел двигатель», встал у них на огороде, «соседи его ветками закладывали».

В семье Гайохи помнили, «как Украине давалась независимость» и «что она значит для страны» — никто из родных «не хотел оккупации», на доме висел украинский флаг. Из-за этого их называли «правосеками» и «бандеровцами», дом «несколько

раз обворовывали», не давали покоя «с обысками и угрозами расстрела». По словам Галины, однажды за ней пришли вооруженные люди, «увидели двоих маленьких детей» и только поэтому оставили ее на свободе — но дали сутки, чтобы уехать. «Я флаг сняла, собрала детей, сумку и последним поездом выехала», — рассказывает Галина «Медиазоне». Вскоре уже «другие люди» пришли к ее матери — они не смогли найти Галину и ее брата и сказали, что матери тоже лучше не оставаться, «третий раз не будет таким счастливым». Через две недели пожилая женщина вслед за дочерью уехала в никуда.

После этого Игорь решил «воевать за свой дом». Он «просился везде», но луганчанина без опыта и военного билета «никуда не хотели брать». Приняли его только в добровольческий батальон «Айдар» — туда вступали местные, которые «не хотели никаких республик, никаких оккупаций». Больше года Гайоха был поваром и параллельно «учился военному делу». Готовить он не умел, а Галина занималась этим профессионально, так что сестре пришлось по телефону «учить его чистить картошку, варить борщ и все остальное». Говорить подолгу возможности не было — семье было важно узнать, что он «жив и здоров», а Игорю — что его близкие обустраиваются на новом месте.

Гайоха — младший из троих детей и потому с детства «терпеливый и выносливый», говорит Галина. «Приходилось немножко отстаивать свое существование», — шутит сестра. Она называет брата «целеустремленным человеком с прекрасным чувством юмора», который никогда «не впадал в смуту, если что-то не получается» — только говорил:

«Тю, сейчас еще раз попробую». После школы он выучился в Луганске на автосварщика и поехал работать в Москву — «где-то в метро станции строил». В ноябре 2013 года Гайоха вернулся домой, потому что получил трехлетний запрет на въезд в Россию.

Игорь любил фотографию, но время для хобби появилось только в 2021 году, когда он уволился из армии. Это было счастливое время для всей семьи, вспоминает Галина — семь с половиной лет родные почти не видели брата, а теперь он жил дома. «У нас никогда не было автомобиля. Он купил себе первый автомобиль. Какой-то очень развaленный, очень дешевый, но очень круто — первый автомобиль. И мы учились всей семьей по очереди ездить на автомобиле, потому что такого опыта у нас не было», — рассказывает она.

Тогда же Гайоха в первый раз съездил за границу, в Египет — хотел успеть «и на йогу, и на плавание, и на прыжки с парашютом, и на дайвинг».

Тем не менее, незадолго до большой войны Игорь решил вернуться на службу — за годы в армии он вырос до командира минометной батареи. «Война продолжалась. Он понимал, что у него есть опыт, у него есть возможности. Ну, и военное братство — там за семь лет образовалась своя семья, он все время был на телефоне с ребятами. Какие-то шутки, прибаутки, свои легенды, свои истории», — объясняет решение брата Галина.

Когда Россия вторглась в Украину, семья не знала, где Игорь и что с ним. Потом он сделал сестре «подарок на день рождения» — позвонил, сказал, что жив, но

был при этом «полностью дезориентирован» и «не понимал, почему они оказались в окружении». «Я ему коротко дала информацию, что война по всей стране, обстреливают все города. И я ему не верю, что он в безопасности, потому что в безопасности нет сейчас никого», — говорит Галина.

На протяжении недели она видела, что брат «иногда появляется в сети» и думала, что «там все окей». Потом Галине позвонили и сказали, что 3 марта Игорь погиб — «это стопроцентная информация, потому что после такого прямого попадания в машину не выживают». По словам сослуживцев, Гайоха «был весь поломанный, у него были почти оторваны руки и ноги, никаких признаков жизни он не подавал», и им пришлось оставить тело на поле боя.

Еще через некоторое время семья увидела в интернете видео с допросом Гайохи — стало ясно, что он в плену. В какой-то момент матери Игоря написали на вайбер, предупредили, что сейчас ей будут звонить — и набрали с донецкого номера. В трубке был голос Игоря. Он сказал, чтобы родные не грустили — «я живой, что плакать».

«Мы сказали, что плакали, потому что не знали, что он живой, а теперь мы не будем», — говорит Галина. Позже она узнала, что когда российские военные нашли раненого брата, они «раздели, еще расстреляли и выкинули» его — но Игорь «оказался сильнее» и «выжил на морозе раненый, раздетый, поломанный».

В августе 2022 года первые вернувшиеся из плена украинцы рассказали семье Игоря, что видели его

в госпитале. Раненому там «не оказывали помощь», только «приматывали к рукам и ногам палки, потому что он сам почти не мог ходить». Что происходило с Гайохой после, близкие не знали. Только в октябре после очередного обмена прошедшие плен военные, которые «сидели с ним в одной камере в донецком СИЗО», рассказали, что Игоря «кинули в камеру без всякой помощи и сказали: "Хочешь жить — выживешь"». Он «опять выжил».

Уже в суде сам Гайоха рассказывал, что его спасли гражданские: нашли раненого, сняли военную форму и отвезли в больницу в поселке Володарского. Там он сам рассказал, «кто такой», и под контролем военной комендатуры лечился до 23 марта. После этого его сначала отвезли в донецкий УБОП, потом с 1 по 7 апреля держали в «реабилитационной больнице», потому что «был ранен, не мог ходить, рука была сломана». 7 апреля Гайоху доставили на гауптвахту, а только 13 апреля официально задержали и отправили в ИВС.

Фото: Александра Астахова / Медиазона

Как шел процесс в Ростове (пока его не закрыли)

Процесс в Южном окружном военном суде начался в июле 2023 года. После того, как прокурор

зачитал обвинительное заключение, Игорь Гайоха и Владимир Макаренко признали вину.

Обвинение не пыталось доказать, что кто-то из подсудимых причастен к конкретным военным преступлениям. Вместо этого по видеоконференцсвязи из Донецка выступали свидетели, которые утверждали, что бойцы «Айдара» в целом совершали преступления против мирных жителей, обстреливали гражданскую инфраструктуру и занимались мародерством.

Двое жителей Староигнатьевки — Ольга и Алексей — рассказали, что айдаровцы стояли в их селе на протяжении всего российско-украинского конфликта. К местным они относились нормально, насилия не допускали. В остальном показания свидетелей были противоречивы. Ольга сказала, что обстрелы слышала только вдалеке, а в протоколе ее допроса на следствии записано обратное, потому что «писал участковый» — она «только подписывала». Однако протокол Ольга подтвердила и объяснила расхождения так: «Во время СВО стреляли постоянно. Ну, если я находилась на работе, я же не могу выйти и увидеть, из села это обстрелы или далеко за селом. Я же не следила за этим».

Алексей говорил, что село обстреливали, но кто — непонятно: «Когда идет обстрел с той стороны, сильно не поймешь, откуда именно стреляют». Однако местные жители решили, что обстрелы велись из Васильевки — а там тоже стояли украинские военные.

— Если подразделения ВСУ дислоцировались у вас, они сами обстреливали эти позиции? — уточнил судья.

— Я на этот вопрос не могу ответить, потому что мы сами удивлялись. Стреляют и попадают.

На допросе Алексей говорил даже, что бойцы «Айдара» обстреливали противника прямо с его фермы, но в суде признал, что не может этого утверждать с уверенностью.

Тарас Радченко в суде настаивал, что слова свидетеля «никак не могут быть правдой», потому что «по всем военным канонам, правилам и уставам это подсудно и невозможно» — «при контрбатарейной борьбе прилетает ответный огонь и под риском находится штаб, то есть все командование».

В суде также дал показания таксист Дмитрий из села Гранитное, который подвозил украинских военных и якобы запомнил, что Чуприна служил в «Айдаре». Шофер рассказал, что в селе с конца 2021 года дислоцировалась 53-я бригада, часть бойцов были из «Айдара», а часть — из других подразделений ВСУ. Отличить одних от других можно было только по шевронам. Гособвинителя спрашивал о преступлениях украинских военных — и Дмитрий рассказал, что «по слухам» те застрелили несколько человек в кафе и отобрали у кого-то из местных машину, но, впрочем, подчеркнул, что не знает, замешаны ли в этом бойцы «Айдара».

По словам Дмитрия, Гранитное обстреливали в 2014-2015 годах: «Я не могу сказать, что

стреляло, откуда оно прилетало. Пострадала немного инфраструктура, линии электропередач страдали систематически, постоянно. Мы очень долго сидели без света». Потом в селе стало тихо — вплоть до начала «спецоперации».

— На момент [обстрелов] в селе дислоцировались ВСУ? — уточнял у свидетеля судья.

— Да.

— То есть эти обстрелы были со стороны ДНР, получается?

— Я не могу этого утверждать. Потому что мы сидели в подвале. Откуда оно летело? Куда оно летело? Я ничего не могу сказать, — повторил свою мысль свидетель.

Гособвинитель зачем-то спросил у таксиста, оказывал ли он после начала «спецоперации» бойцам ВСУ «какую-то помощь» — например, передавал ли им продукты. Дмитрий заверил, что такого не было.

— Ну мы же не свидетеля рассматриваем дело, давайте ближе к нашему предъявленному обвинению, — одернул прокурора судья.

Анастасию из Гранитного, которая приютила в своем доме Николая Чуприну, тоже допросили в суде. Она не смогла сказать, какая из сторон контролировала село в то или другое время — «не вникала сильно и не всматривалась, кто там заходит, кто выходит». Бойцы «Айдара» в Гранитном стояли еще в 2014 году,

и по селу тогда «ходили слухи», что «якобы они людей убивали, детей», вспомнила Анастасия.

Другие доказательства, которые представил гособвинитель, — интернет-страницы и видео о деятельности батальона, материалы уголовных дел, в разное время возбужденных в ДНР в связи с обстрелами, фото и посты фигурантов дела в соцсетях, а также найденные у пленных документы, подтверждающие их причастность к «Айдару».

При этом даже здесь обвинение столкнулось с трудностями — например, ни в трудовой книжке, ни в военном билете у водителя Дмитрия Федченко не было упоминаний «Айдара». У других подсудимых в документах значилось: воинская часть А3488 — и как минимум в одном таком случае, как отмечала защита, следователь без всяких доказательств дописал в скобках, что речь идет об «Айдаре».

12 сентября 2024 года в суде огласили письмо из СК, согласно которому в отношении Мищенко и Прутян расследуется дело по статье о применении запрещенных методов ведения войны[13]. Суд постановил выделить его в отдельное производство и вернуть прокурору. На следующий день обе женщины вернулись в Украину в рамках очередного обмена пленными.

Примерно через месяц, когда допрашивать подсудимых должна была сторона защиты, процесс внезапно закрыли от прессы и слушателей, чтобы «обеспечить безопасность участников судебного процесса и их близких родственников». Гособвинитель сослался на пост украинского блогера

Дмитрия Гордона, который писал: «Мы знаем много обо всех этих и других рашистских судьях. Путинские судьи уже не в первый раз устраивают судилище над украинцами. Все они понесут наказание за это. У нас уже есть все данные на судей, которые выносили приговоры защитникам Азовстали и другим захваченным гражданам Украины».

Адвокат Мария Эйсмонт тогда сказала: «Я убеждена, что такие дела должны рассматриваться — и совершенно справедливо и правильно рассматривались до этого — в открытом судебном заседании… Если суд закроет данное заседание, это будет означать, что какой-то украинский блогер Гордон управляет практиками Южного окружного военного суда, что я считаю недопустимым. Поэтому я прошу оставить данный процесс открытым, каковым он и был».

18 сентября «Медиазона» выяснила, что прокуратура запросила 15-ти украинцам сроки от 20 до 24 лет строгого режима с отбыванием первых шести лет в тюрьме.

Вячеслав Байдюк. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Что «Медиазона» знает о других фигурантах дела

Вячеслав Байдюк, 51 год

Жил в Днепропетровской области с женой и сыном. Развелся. В 2015 году, проходя службу по мобилизации, познакомился в Волновахе с женщиной и остался жить у нее. С 2016-го работал экспедитором в магазине и грузчиком на рынке, вместе с гражданской женой разводил дома грибы, потом собирал стеклотару. Были проблемы со здоровьем, лечился. В 2018 году заключил контракт с батальоном «Айдар», через год вернулся домой, снова попытался заниматься бизнесом. В 2020 году из-за проблем с деньгами опять заключил контракт, был помощником гранатометчика. Однажды самовольно покинул часть, командиры вернули его назад. В мае 2021 года после отпуска забрал военный билет и закончил службу. Когда началось российское вторжение, не работал.

13 марта 2022 года на автовокзале в Волновахе к Байдюку подошли вооруженные люди в форме, отвели в газель с надписью «Милиция ДНР», посмотрели паспорт и задержали. До вечера был в пожарной части, потом на два-три дня отвезли в донецкий УБОП, после отправили в ИВС и уже оттуда этапировали в Еленовку. Согласно материалам дела, официально задержали только 14 марта 2022 года, а 5 апреля предъявили обвинение.

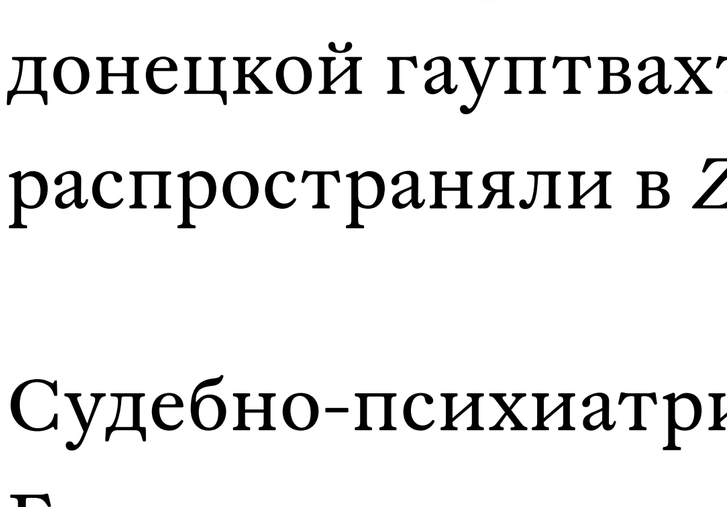

Виталий Грузинов. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Виталий Грузинов, 48 лет

Уроженец Киева, в последнее время жил во Львове. Разведен, есть двое взрослых детей. По образованию экономист. В 2013-2014 годах участвовал в Майдане как «киевлянин и журналист», волонтерил. В Украине известен под псевдонимом Козак Ведменко. В 2015-2016 годах служил в ВСУ, в 2021 году заключил контракт с «Айдаром» и стал гранатометчиком. Попал в плен к «ополченцам ДНР» 27 февраля 2022 года под селом Прохоровка, когда пытался найти свой штаб. Где находился до официальной даты задержания 6 апреля, не знает сам: «нам никто об этом не говорил», какое-то время точно провел на донецкой гауптвахте. Видео с допросом пленного распространяли в *Z*-каналах.

Судебно-психиатрическая экспертиза нашла у Грузинова мозаичную форму психопатии и смешанное расстройство личности, но признала его вменяемым.

Владислав Ермолинский. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Владислав Ермолинский, 37 лет

Жил в Новодружеске Луганской области. Контракт с батальоном заключил в 2020 году, был водителем. После начала войны принял для себя решение не участвовать в боевых действиях. Пытался выехать из Мариуполя, 21 марта в Старобешево не прошел

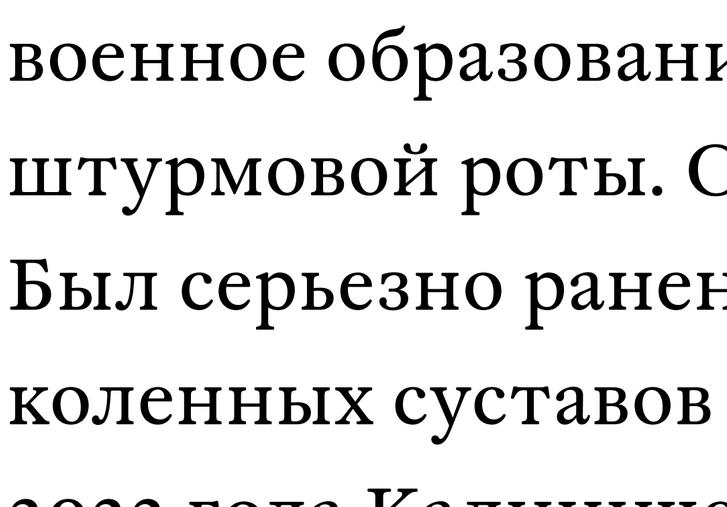
фильтрацию. Держали сначала там, потом в ИВС в Донецке, после в бывшей колонии в Еленовке. По документам задержали в административном порядке только 26 марта, а 21 апреля предъявили обвинение.

Сергей Калинченко. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Сергей Калинченко, 31 год

Родом из села Садовое в Харьковской области, в последнее время жил в Константиновке. Получил военное образование, был командиром 2-го взвода штурмовой роты. С женой воспитывали двоих детей. Был серьезно ранен — в суде упоминал повреждения коленных суставов и другие травмы ног. 14 апреля 2022 года Калиниченко захватили «неизвестные люди», две недели до официальной даты задержания он провел сначала в донецком УБОП, потом в ИВС.

Виталий Крохалев. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Виталий Крохалев, 45 лет

Из села Степное в Донецкой области. В «Айдаре» с января по июль 2018 года служил водителем. Когда началась война, вахтовым методом работал на автомойке в Киеве. Задержали 18 марта 2022 года

«люди в форме», когда приехал домой. Держали сначала в донецком ИВС, потом в Еленовке и снова в ИВС. Официально задержали только 23 апреля.

Владимир Макаренко. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Владимир Макаренко, 28 лет

Из поселка Драбов в Черкасской области. Контракт с батальоном подписал в 2021 году, был снайпером. 23 марта 2022 года взяли в плен, держали в Мелитополе на гауптвахте, потом в донецком ИВС. Официально задержание оформили почти через месяц — 19 апреля.

Лилия Прутян (слева) и Марина Мищенко. Фото: Александра Астахова / Медиазона

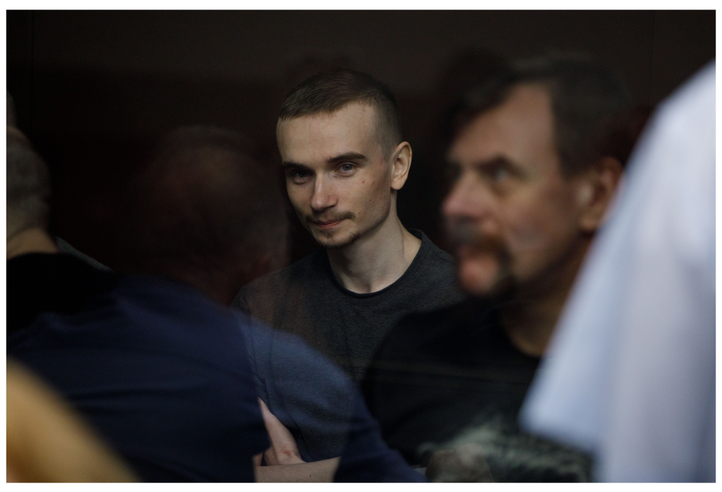
Марина Мищенко, 29 лет

Родом из города Кременная Луганской области. Контракт заключила в 2020 году, была санитаркой медпункта. Задержали 11 марта 2022 года, больше недели провела в донецком УБОПе. Только 20 марта оформили задержание в статусе подозреваемой, 18 апреля предъявили обвинение. В СИЗО Донецка состояла на профилактическом учете как склонная к суициду.

Лилия Прутян, 56 лет

Родилась и жила в селе Ближнее Донецкой области. Трое взрослых детей, младший — инвалид детства из-за сахарного диабета. Сама имеет хроническое заболевание слуха, в плену не имела возможности обследоваться у врача. На первых заседаниях в Ростове Прутян почти не слышала судью, только тогда адвокату позволили передать ей батарейки для слухового аппарата.

В первый раз контракт с ВСУ заключила в 2017 году, была бухгалтером. В феврале 2020 года контракт закончился, в июле подписала снова — «с отдельной 53-й бригадой». На этот раз поступила на должность медика. Задержали 11 марта 2022 года во время боевых действий в селе Петровское. Позже люди «в камуфляжной форме» приходили домой к сыну Прутян, забрали две папки с документами. Держали в Волновахе, Докучаевске, УБОПе и ИВС в Донецке. 24 марта, когда Прутян оформили административное задержание и впервые ее допросили, она находилась в колонии в Еленовке. 15 апреля пленницу допросил уже следователь Генпрокуратуры ДНР, тогда же ей предъявили обвинение.

Роман Недоступ. Фото: Александра Астахова / Медиазона

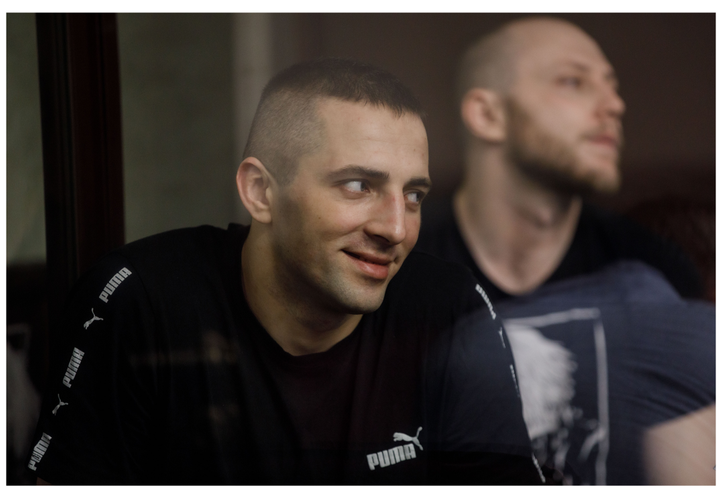
Роман Недоступ, 28 лет

Как и Макаренко, жил в поселке Драбов Черкасской области. С 2016 по 2019 служил в ВСУ, в 2021 году снова заключил контракт. Поступил на должность старшего стрелка. Задержали 23 марта 2022 года при отступлении, когда пытался «пробраться на неоккупированную территорию Украины».

— Не оккупированную кем? — уточнил у Недоступа судья.

— Подконтрольную украинской армии.

Держали сначала в УБОПе, потом на гауптвахте в Донецке. Там неизвестные сняли на видео «допрос»: украинец говорил о несогласии с политикой Зеленского и добровольной сдаче в плен. В суде отказался от этих слов: «Мне сказали — и я говорил». 21 апреля предъявили обвинение.

Сергей Никитюк. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Сергей Никитюк, 32 года

Жил в Волновахе Донецкой области с женой и двумя детьми. Контракт с «Айдаром» заключил в 2021 году, взяли на должность гранатометчика. Мать Никитюка на допросе у следователя говорила, что дом, где он жил, после 24 февраля 2022 года «полностью сгорел в результате попадания снаряда», а жена забрала детей и уехала в Докучаевск к своей бабушке. Самого Сергея 26 марта взяли в плен и держали

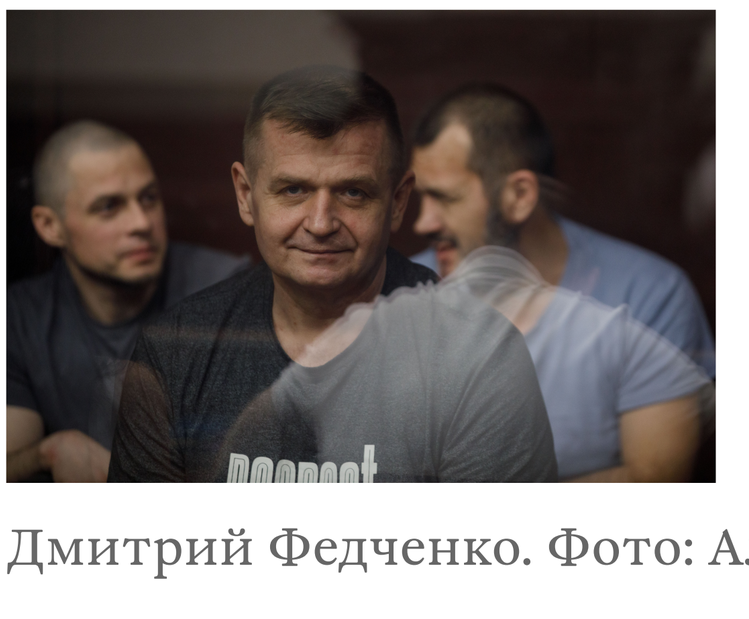
на донецкой гауптвахте до 13 апреля. Только тогда задержание оформили официально, на следующий день Никитюка отправили в СИЗО.

Тарас Радченко. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Тарас Радченко, 25 лет

Из города Рубежное Луганской области. Отец — Игорь Радченко — до 2015 года был в «Айдаре» командиром роты контрразведки, в Украине его подозревали в бандитизме, разбое и других тяжких преступлениях, но отпустили под поручительство нескольких нардепов. Тарас получил военное образование в Одессе, в июле 2021 года был назначен в батальон «Айдар», который, как он подчеркивал в суде, входил в состав ВСУ и подчинялся Минобороны Украины. Дослужился до начальника разведки и помощника начальника штаба. 25 февраля 2022 года во время отступления на окраине села Староигнатьевка Донецкой области попал в плен вместе с Забайрачным. До СИЗО держали на донецкой гауптвахте и в ИВС. Официально обвинение предъявили только 6 апреля 2022 года.

Дмитрий Федченко. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Дмитрий Федченко, 51 год

Жил в Волновахе с женой и дочерью. У жены инвалидность, сахарный диабет. В 2016 году Федорченко мобилизовали, ему не понравилась часть, в которую он попал по распределению, тогда командиры сказали — «не нравится, подписывай контракт, тогда можешь выбрать». Контракт на должность водителя подписал с ВСУ, «Айдар» не упоминается ни в военном билете, ни в трудовой книжке. Через три года вернулся домой, работал слесарем по ремонту подвижного состава в локомотивном депо. Задержали 17 марта 2022 года: «Днем, перед обедом, вышли из подвала нашего дома в Волновахе, была тишина, перестали стрелять. Шла зачистка. Два человека в военной форме подошли, попросили документы. Они забрали паспорт мой. Жену позвали, чтобы она открыла квартиру, посмотрели, полазили». Административное задержание оформили на следующий день, а по уголовному делу — только 14 апреля.

Андрей Шолик. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Андрей Шолик, 50 лет

Из города Берестин Харьковской области. Занимался ремонтом квартир, работал ночным сторожем. Сократили, нужно было платить алименты за двоих детей — в конце 2021 года решил подписать

контракт с ВСУ. Направили в 24-й отдельный штурмовой батальон, стал санинструктором. Попал в плен 3 марта 2022 года, держали на гауптвахте в Донецке, потом в Еленовке в колонии. Официально задержание оформили только 18 марта.

Процесс над пленными из «Айдара» глазами юриста

Юрист Алексей Орлов[14] называет главной и

«всеобъемлющей» проблемой сложившейся в России судебной практики непризнание за украинцами статуса военнопленных.

«Они считаются обычными преступниками, что, естественно, никаким правовым нормам не соответствует. Контекст международного вооруженного конфликта искусственно удаляется, его якобы вообще не существует, и, значит, нормы международного гуманитарного права к действиям военнослужащих не применяются. Благодаря этому их действия пытаются квалифицировать по террористическим статьям», — говорит Орлов.

Он уверен, что выбор статей обвинения тоже абсолютно необоснован.

Дело о попытке «захвата власти» в самопровозглашенной ДНР задолго до ее признания Россией, по мнению юриста, нельзя «задним числом перенести» в российскую юрисдикцию, но в случае 18-ти айдаровцев этот «фокус переквалификации» происходит.

В том, что касается статуса «Айдара» как «террористической организации», следствие ссылается на старое решение Верховного суда непризнанной республики от 2016 года, хотя в ноябре 2023 года подразделение признал террористическим и российский суд.

«Зачем нужно было это делать — тоже вопрос, если решения республик должны быть валидными. Но они сами расписались в том, что этого было недостаточно-[15], чтобы все последующие уголовные дела были чуть более крепкими, чем это», — говорит Орлов.

Юрист отмечает, что к самому по себе суду над военнопленными «вопросов не так много», но множество нарушений делают «лишение свободы такого рода незаконным».

«Участники международного вооруженного конфликта имеют право держать личный состав противника в своем плену и не выпускать его просто так, для этого существуют механизмы обменов, например. Здесь возникают совершенно другие вопросы: их судят как обычных преступников, что, на самом деле, военное преступление по Римскому статуту и по международному уголовному праву, их пытают, им не дают связываться с семьей, им не предоставляют защиту», — перечисляет юрист.

Орлов говорит, что считает происходящее с пленными в России частью пропагандистской кампании давления — «в первую очередь, на украинских военных, чтобы они тоже боялись попадать в плен, потому что их потом будут судить по этим статьям, им будут грозить огромные сроки».

Фото: Александра Астахова / Медиазона

Пытки

Подсудимые впервые заявили о пытках, когда гособвинитель стал представлять в качестве доказательств записанные на видео «допросы» пленных.

В этих роликах украинские военные повторяют похожие тексты — про преступления батальона «Айдар», про иностранных инструкторов, предательство командиров и сдачу в плен как единственный выход для простых солдат.

В суде украинцы говорили, что допрашивали их без адвоката неизвестные люди в форме и масках. Многие на тот момент не знали, где они находятся, для некоторых специально заготовили текст. Тарас Радченко рассказал, что ему «дали тему и сказали ее развить».

Другой подсудимый прямо на видео спрашивал, можно ли отвечать своими словами — в суде он

подтвердил, что во время съемки перед ним стоял монитор с текстом, который нужно было просто зачитать.

— А вы могли отказаться? — спросил у него судья.

— Не советую.

«После *профилактической работы* ты рассказываешь все, что они предлагают», — объяснил на заседании в марте 2024 года Виталий Грузинов. Допрашивали и снимали его «минут двадцать», но распространенное *Z*-каналами видео гораздо короче и в нем, как отметила адвокат Мария Эйсмонт, заметны «очевидные склейки».

— Вы сказали: приношу свои извинения за мародерство, издевательства, пытки мирных жителей, совершенные побратимами… — начал свой вопрос судья.

— Вот это предложение просто не соответствует действительности, — ответил Грузинов.

— То есть вы не извиняетесь за это?

— Я не извиняюсь за то, чего я не делал.

Видео с Николаем Чуприной записали на следующий день после того, как его задержали.

— Вам ваши права разъяснялись? — спросил судья.

— Ну, смотря в каком смысле.

По словам Чуприны, перед съемкой ему дали почитать текст и сказали: «Попробуй что-то не так [сделать], плохое произойдет». Но угрозами дело не ограничилось.

— Избиения. Через тапик[16] пропускали, — лаконично объяснил в суде пленный.

«Я думаю, каждый в принципе представляет себе поведение военнопленного в плену, поэтому не вижу смысла комментировать этот фарс», — сказал судье Тарас Радченко. Его заставили перед камерой подписать расписку, что он «больше не будет воевать с ДНР» — и пообещали, что после этого пленный отправится на обмен. Радченко сам отметил, что на этом видео он выглядит избитым.

На другом заседании Сергей Никитюк рассказал, что его перед съемкой «человек в маске с резиновой палкой и пистолетом пару раз ударил и сказал, что будет плохо, если не делать так, как говорят».

«У меня не было возможности отказаться, так как ко мне применяли избиения различными предметами, оружием, угрожали жизни. Против мирного населения нас не настраивали, я шел защищать свою страну, потому что я там родился и живу, это моя земля, я за нее шел воевать», — объяснял в суде Александр Таранец.

Кроме того, в суде украинцы не раз говорили о «физическом и психологическом воздействии» конвоя: из-за этого в декабре 2023 года все обвиняемые, кроме Забайрачного и Недоступа, попросили не возить их в суд, а подключать к

заседаниям по видеоконференцсвязи из СИЗО. Не возражал даже гособвинитель, но судья посчитал это нарушением прав подсудимых и сказал, что «ничто не мешает им обратиться в соответствующие как правоохранительные, так и иные органы».

В тот день, когда процесс закрыли от прессы, Владимира Макаренко подключили к заседанию из СИЗО-2 Таганрога. Адвокат Магомед Беков тогда ходатайствовал не только о личном участии Макаренко в процессе, но и о «незамедлительном» переводе в «любой другой изолятор Ростова-на-Дону».

— СИЗО-2 Таганрога является таким заведением, которое наводит ужас, в основном, на граждан Украины. Одно слово, что их переводят в Таганрог — сразу спрашивают: «А меня пытать будут?», — говорил адвокат.

О том, в каких условиях украинских военных держали в плену, «Медиазоне» рассказали их родные.

«В донецком СИЗО были ужасные условия, они просто ненавидели украинских пленников. Они хотели, чтобы наши ребята мучались, и они их там избивали, очень часто избивали, — вспоминает Екатерина Таранец. — И голод был, и их там били, и в камеру 20 человек запихивали в каком-то подвале, и они просто там сидели, и, господи, что там только ни делалось».

В какой-то момент родные пленных стали получать «одинаковые» письма, в которых те кроме сигарет и одежды просили присылать картошку, морковь и

лук. «Это настолько было странно, что мы в какой-то момент не верили, что это действительно они пишут, потому что как-то мы знаем, что в плену должны кормить», — говорит Екатерина.

Вернувшаяся в Украину по обмену Лилия Прутян рассказывала, что в Донецке пленных кормили «несоленой кашей, овощами, плавающими в воде, и жесткими кусками мяса». По ее словам, охранники унижали женщин, «часто заставляя их ложиться на пол лицом вниз».

Мать Семена Забайрачного Алевтина вспоминает, что Прутян рассказывала ей: молодым девушкам в плену, чтобы «как-то спасаться» во время месячных, приходилось «отрывать рукава со своих футболок».

Только когда начался процесс в Ростове, родственники обвиняемых впервые увидели, как те выглядит спустя год в плену — на фото и видео из суда.

Екатерина Таранец говорит, что ужаснулась, увидев фотографию брата — из огромного «качка» он превратился в человека, который «на глаз весил килограммов 60, такой худой, что просто кошмар, и синяки под глазами».

«В некоторых местах по телу, где не было одежды, какие-то синяки, шрамы — все это было видно», — добавляет Екатерина.

Алевтина Забайрачная заметила у своего сына шрам возле глаза, которого раньше не было.

В Ростове условия содержания в первое время были лучше, чем в Донецке. «Кормили более или менее нормально, не было проблем с письмами, давали читать», — рассказывает Таранец. Но, по ее словам, в последние полгода пленных «и там начали избивать»; это подтверждают и другие украинцы, о которых писала «Медиазона».

На фотографиях Екатерина заметила у брата сначала забинтованную, а потом и «изрезанную» руку; она до сих пор не знает, что с ним произошло.

«Там было не на вене, а на сгибе руки чуть ниже», — вспоминает девушка. Она говорит, что у пленных «не уходит чесотка и понятно, что никуда не уйдет, потому что условия содержания не меняются»; о том же рассказывает Алевтина Забайрачная.

По словам Забайрачной, после того, как украинцев ненадолго этапировали в Донецк, их вернули в Ростов «больных, с бронхитом, в трусах и футболках, а лечили только аспирином».

Таранца за несколько месяцев до приговора этапировали в Таганрог. Там сейчас стало поспокойнее — «не бьют и кормят», знает Екатерина. Но с тех пор она не получила от брата ни одного письма.

Восемнадцатый

Пятигорец

39-летний Евгений Пятигорец вырос в поселке Владимировка Донецкой области. Отучился в техникуме на автомеханика, недолго работал охранником в Крыму, потом вместе с отцом устроился «на огнеупорный комбинат». Платили мало, но на жизнь хватало, пока в семье не случилась беда: мать Евгения заболела раком, пришлось залезть в «очень большие долги». Чтобы расплатиться, Пятигорец решил на год подписать контракт с ВСУ.

— Когда он меня поставил в известность, я задала сыну такой вопрос: «Сынок, неужели ты будешь стрелять в людей?». На что он мне ответил: «Нет, мама, я стрелять не буду. В военкомате сказали, будешь стоять в воинской части за Волновахой, годик отстоишь и пойдешь домой», — рассказывала Светлана Пятигорец в суде, куда приехала выступить свидетелем защиты.

В мае 2020 года Евгений поступил водителем в «Айдар» — «просил в ВСУ, но перебросили туда и поставили перед фактом».

Семья все это время была настроена пророссийски, в 2014 году Светлана участвовала в организации референдума о «самоопределении» республик. На вопрос суда, почему тогда ее сын «поступил на службу в ВСУ, а тем более в националистический батальон "Айдар"», а не поехал на заработки в Россию, женщина ответила, что для этого пришлось бы слишком долго оформлять документы — «пока он бы заработал, меня бы уже в живых не было».

— То есть целью являлось получение денежного довольствия? — еще раз уточнил судья.

— Чтобы спасти мне жизнь.

— Чтобы решить вопрос с погашением долгов, вы раньше говорили...

— Да. На лечение.

Прослужив семь месяцев, за две недели до Нового года Пятигорец приехал домой — сказал, что в части ему дали отпуск. Когда настало время возвращаться, Евгений признался родным, что его «уволили за неподчинение приказу». Он снова пошел работать на родной комбинат. По словам матери, за самовольное оставление части Евгению «поставили отметку» в военном билете и «грозились наказанием», но все обошлось.

Потом началась война. Мэр Старобешева, «под которым» находилась Владимировка, попросил Светлану помочь администрации. «Сын вместе со мной работал. Мы раздавали гуманитарную помощь, развозили хлеб, возили раненых. Он одиноким бабушкам, которых бросили дети, воду из колодца носил. Он такой у меня — пожалеет и посочувствует», — рассказывала женщина в суде.

В марте 2022 года во Владимировку первыми из российских военных вошли «чеченцы», которые стали «забирать паспорта» у «многих жителей». Светлана думает, что о службе ее сына в «Айдаре» рассказал кто-то из местных. В марте его забрали из дома.

«Я следом шла, я пыталась объяснить, но они его увели в лесок», — вспоминала мать. Из-за комендантского часа ей «приказали» вернуться домой, она «не смогла» и следила за происходящим из соседнего дома: «Солдаты туда-сюда ходили. И тут слышу выстрел в леске. Ну, у меня, конечно, паника. Я сразу к ним вышла, мол, сына застрелили».

Ей пообещали, что Евгений вернется. Она посмотрела, как его вывели из леса и увезли «на комбинат» — и пошла домой ждать.

Через четыре часа Пятигорца вернули с «поломанными ребрами и связанными руками», которые к этому времени «уже посинели». В доме устроили обыск — перетрясли все шкафы. Светлане в это время внушали: «Вы плохого сына воспитали, из-за таких, как он, айдаровцев люди погибают».

«А я им говорю, я нормального сына воспитала, просто так сложилась жизнь», — объясняла мать в суде. Так ничего и не найдя, военные покинули их дом.

Вскоре в администрацию Владимировки приехали из Следственного комитета ДНР. Светлана решила рассказать о военной службе сына «все, как есть» — следователи «записали в блокнотик, уехали и

тишина». Позже в поселке появилась оккупационная военная комендатура, туда Светлана пришла уже вместе с сыном.

6 апреля его забрали из дома, и больше родные Евгения не видели.

Как он сам рассказывал в суде, сутки его продержали в Волновахе, потом на донецкой гауптвахте. 26 апреля задержание оформили официально, до 4 мая он был в донецком ИВС, потом уехал в СИЗО.

1 декабря 2023 года на заседании в Ростове стало известно, что Пятигорец стал фигурантом возбужденного еще 30 мая 2014 года дела «по факту применения силовыми структурами Украины запрещенных средств и методов ведения войны[17]».

». Гособвинитель попросил выделить дело против Пятигорца в отдельное производство и направить его в прокуратуру ДНР.

И Пятигорец, и его адвокат возражали; другие защитники отметили, что обвинение заявляет «голое ходатайство без подтверждений тому, что есть какое-то возбужденное уголовное дело».

Тем не менее суд это ходатайство удовлетворил.

Что происходит с Пятигорцем с тех пор и где он находится, неизвестно. «Медиазона» не нашла ни в одном из российских судов карточки его нового дела.

Лилия Прутян. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Как переживают плен военные и их близкие

В интервью Лилия Прутян рассказывала, что как только она попала в плен, российские военные ее изнасиловали, а многих мужчин — убили. «Медиазону» Прутян попросила не спрашивать о пережитом в плену — от этих воспоминаний «начинаются навязчивые сны».

«У меня все хорошо, слава богу, я вернулась, мои дети живы. Это для меня было очень важно, я не знала, как я буду жить, если бы кого-то из них не было в живых. Я думаю, что это бы была невыносимая боль. Плюс меня окружают люди, которые меня всегда поддерживают, всячески стараются помочь мне. Ну и вообще, я считаю, что я счастливый человек, потому что все это закончилось», — говорит Прутян.

На свободе она старается радоваться «каждому дню, каждому мгновению, природе, жизни, людям, которые рядом».

«Я радуюсь всему. Потому что у меня есть чем сравнивать, понимаете? — объясняет украинка. — Та жизнь, которая была, и теперь. Я ценю свою жизнь».

Прутян старается «как может» поддерживать тех, кто остался в российском плену — пока шел процесс, она регулярно передавала им письма.

«Для меня тяжело осознавать, что я уже год как свободна, что я живу, я радуюсь жизни, а ребята все еще остаются там, в этих ужасных условиях, и каждый день, просыпаясь, они не знают, что с ними будет завтра», — сказала она «Медиазоне».

Прутян говорит, что у нее «в сердце нет зла ни на кого из россиян», и она хочет, чтобы «весь этот бред закончился, и мы снова жили, как раньше — мирно, спокойно. Чтобы наши ребята и ваши тоже, чтобы они были живы».

Оставшиеся в плену ждут обмена. У Таранца «сначала была большая надежда, что его поменяют скоро», позже он написал сестре, что у его товарищей «опускаются руки» и в обмен «почти никто уже не верит».

«Последние письма — это такая безнадежность, что он вообще вернется домой, увидит родных, меня, — говорит Екатерина. — Меняют почти всех, кроме айдаровцев. "Айдар", батальон "Донецк" и "Азов" — вот просто они на этом делают новости. Для этого они их и держат, чтобы пиариться».

Игорь Гайоха старается не унывать, но близким пишет, что очень скучает. Он просит родных, чтобы они «не грустили и были красивыми, потому что красота спасет мир».

Алевтина Забайрачная и ее 70-летний муж остаются ждать сына в Харькове, спасаясь от обстрелов в погребе.

«Нам говорят: вы дураки. Да, может быть. Но у меня в голове сидит: если я уеду, куда вернется мой ребенок? — объясняет женщина. — Я сказала: костьми лягу, но ребенка я должна дождаться дома. Я ему пишу: Семушка, я тебя дождусь. Он мне: мама, мама, выезжайте. Я говорю: нет, я тебя дождусь. Ты должен вернуться домой, я должна тебя встретить дома».

При участии Елены Дымовой

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. На тот момент.

2. Екатерина жила под Мелитополем, в октябре 2022 года ей удалось выехать на подконтрольную Украине территорию.

3. На тот момент.

4. Статья 323 УК ДНР.

5. Статья 234 УК ДНР.

6. Часть 1 статьи 234 УК ДНР.

7. Часть 2 статьи 234 УК ДНР.

8. Статья 232 УК ДНР.

9. Часть 4 статьи 35, статья 278 УК РФ.

10. Статья 205.5 УК РФ.

11. Статья 205.3 УК РФ.

12. В 2016 году Верховная Рада Украины вернула Краснодону историческое название Сорокино. Фактически город к этому времени контролировала самопровозглашенная ЛНР.

13. Часть 1 статьи 356 УК.

14. Имя изменено по просьбе собеседника «Медиазоны».

15. Когда российские власти вслед за Верховным судом ДНР тоже объявили «Айдар» «террористической организацией».

16. Полевой телефон ТА-57. Аппарат снабжен динамомашиной, вырабатывает ток и на выходе дает напряжение в 80 вольт. Российские силовики широко применяют его для пыток.

17. Часть 1 статьи 356 УК.